

№

АН РА К Н Ъ

31.

Антрактъ выходитъ ежееженежно. Цѣна годовому изданію (30 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 50 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ ирогородскихъ принимается только годовая и за пересылку въ другіе города прилагается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (иногда 1 руб. 50 коп. сер.). Срокъ подписки считается съ 1-го числа наждого мѣсяца. Подписка принимается ежедневно, отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера, въ конторѣ типографіи императорскихъ московскихъ театровъ (Ив. Ив. Смирнова), на Дикомъской улицѣ, нѣдалеку отъ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей — въ книжной лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Изъ Парижа. — Калужскій театръ. — Ковенскій театръ. — Курьезы, замѣтки и вопросы (Письма темныхъ людей. Первые потуги музыкальнаго гения). — Смѣсь (Новый директоръ театровъ. Похороны графа Борха. Помпювепіе. Зимняя сказка. Лоттерей. Плавательница. Еврейскій театръ. Г-жа Александра. Народный театръ въ Прагѣ. Пожертвованіе. Марсельеза. Концертъ русскихъ въ Парижѣ. Маленькая виолончелстка). — Некрологъ (Айра-Ольриджъ).

ИЗЪ ПАРИЖА.

(Изъ письма въ редакцію случайнаго корреспондента).

...Между другими русскими газетами мнѣ, третій годъ безвыѣздно живущему въ Парижѣ, попался небольшой листокъ, на заголовкѣ котораго значилось: «Антрактъ». Беру, читаю и узнаю, что это московская театральная газета. Московская в театральная! Перелистываю — и изумляюсь. Это изумленіе мое увеличивается, когда я узнаю изъ надписи, что эта газета издается уже четвертый годъ. Ничего нигдѣ до сихъ поръ ни слыжалъ, ни читалъ я объ этой газетѣ — слѣдовательно, газета мало распространена; но издается четвертый годъ — слѣдовательно, имѣетъ читателей. Я заинтересовался. Московскій театръ нашелъ себѣ свой органъ — слѣдовательно, дѣла московскаго театра не стоятъ и публика московская къ своему театру не равнодушна. Пробѣжавъ одинъ №, досталъ еще вѣсколько за нынѣшній годъ (не всѣ, а сколько нашлось на лицо). Читаю съ любопытствомъ, со вниманіемъ (не дальше какъ шесть лѣтъ тому назадъ московскій театръ сильно интересовалъ меня). Много правды, все довольно вѣроподобно и даетъ возможность составить довольно обстоятельное понятіе о теперешнемъ состояніи московской сцены; но при всемъ этомъ чувствуется извѣстная строгость, нѣкоторая рѣзкость въ сужденіяхъ. Знаете-ли, чѣмъ я объяснилъ себѣ это? Тѣмъ, что тѣ, которые пишутъ въ «Антрактѣ» отзывы о московскихъ театрахъ, не слишкомъ ужъ много набалованы тѣмъ, что видятъ и имѣютъ они въ своихъ театрахъ. Я бы желалъ, чтобы авторамъ этихъ статей случилось хоть по одному разу побывать во всѣхъ парижскихъ театрахъ. Что бы тогда заговорили они? Куда дѣвалась бы ихъ требовательность, ихъ строгость? Посмотрѣлъ бы они, что мы смѣтримъ здѣсь, въ Парижѣ! Большею частью (чуть не сплошь) пустяки до тошноты, до омерзения піески и піески съ претензіею на что угодно и съ полнымъ отсутствіемъ всего, рѣшительно всего,

даже подчасъ веселости, самаго дешеваго остроумія. Ну, еще объ актерамъ можно, пожалуй, промолчать: тутъ со всячнкой, да тутъ и актерское дѣло не то, что у русскихъ актеровъ, которые не могутъ вѣртѣться передъ публичкой Богъ знаетъ сколько спектаклей сряду въ одной піесѣ, на одной роли. Вѣрите-ли, что иногда сядешь въ театрѣ, да только ахнешь, созерцаая самую нѣпѣщную порожденія французской фантазіи, и приходится невольно на память выраженіе Расплюева: «Образованный-то народъ! Просвѣщеннал-то нація!»....

Временный парижанинъ.

КАЛУЖСКІЙ ТЕАТРЪ.

Театръ въ Калугѣ маленкій, всего только 2 прусаложъ, но за то креселъ 13 рядовъ. Отдѣланъ очень хорошо; новыи, чистый, и просторный (каменный). Прошлаго года только начали въ немъ играть. Предѣланъ онъ изъ манежа, поэтому имѣетъ большой акустическій недостатокъ: требуетъ большого усиливанія голоса. Стоитъ онъ на самомъ бойкомъ мѣстѣ, на базарной площади. Къ снятой недѣлѣ пріѣхала новая труппа; она сначала дѣлала очень хорошіе сборы, которые потомъ уменьшились, но все таки были недурны, особенно по воскресеньямъ и праздникамъ. Бенефисы впрочемъ всѣ почти собирали очень немного публики.

Публика въ Калугѣ довольно разборчива и не очень щедрна на апплодисменты; ходятъ больше на новыя піесы.

Составъ труппы: Подгонинъ — любовникъ, Дурново — комикъ-резонеръ, Александрова 3-я — драматическая молодая и воевильная актриса, Охотинъ — простакъ и старикъ, Александрова 2-я — комическая старуха, Колосовъ — комикъ бубль, Александрова 1-я — на молодыя драматическія роли и на роль резонерокъ, а за подобноствію, даже комическихъ старухъ, Моктевъ — резонеръ съ претензіею на хорошія молодыя комическія роли и второй любовникъ, Александровъ — только-что начинающій и не имѣю-

щій еще опредѣленнаго амблуга, играетъ куош-ковъ и молодыхъ людей, Лелянъ—вторья молодья водевилльныя роли, Петровъ—выходныя роли, М. Е. Дурново—играла 3 раза только.

Репертуаръ состоитъ изъ старыхъ и новыхъ пьесъ, игравшихъ на столичныхъ театрахъ, кромѣ комедіи князя Кугушева «Пустопѣтъ», въ Москвѣ, въ Петербургѣ не игравшій, но понравившейся калужской публикѣ. На время Мещевской ярмарки труппа переселилась въ хорошевскій ярмарочный театръ и дала на немъ шесть представлений. Погода стояла дурная, грязь была непроходимая, но актеры, кажется, не остались въ накладе. Нѣкоторые члены труппы, въ томъ числѣ семейство Александровыхъ, остаются въ Калугѣ, кажется, и на зиму.

КОВЕНСКІЙ ТЕАТРЪ.

Труппа, находившаяся подъ дирекціею ковенскаго губернскаго архитектора, съ наступленіемъ великаго поста оставила Ковно; ее замѣнила и со святой ведѣль начала свои представленія вновь пріѣхавшая труппа подъ управленіемъ Домбровскаго, актера виленской труппы. Число членовъ новой труппы меньше, чѣмъ было въ прежней, но составъ лучше. Новые актеры, зная настоящую цѣну своимъ силамъ и средствамъ, берутся только за тѣ пьесы, исполненіе которыхъ не можетъ затруднить ихъ; возтому они избѣгаютъ капитальныхъ пьесъ и составляютъ спектакли изъ пьесъ маленькихъ. Претензію на первыя роли имѣетъ, какъ видно, г-жа Баранова; но, какъ на буду, онѣ ей положительно не удаются, хотя кокетничаетъ въ нихъ она напропалую и болѣе всего старается не пропустить случая попользоваться своимъ вычурнымъ туалетоу. Изъ прежней труппы присоединились къ новой мужъ и жена Львовы, изъ которыхъ особенно онъ оказался очень полезенъ и для новой труппы. Ковенская публика впрочемъ посѣщаетъ театръ очень мало, что, можетъ быть, зависить и отъ всешумко дешевыхъ для провинціи цѣнъ; только мѣста въ такъ называемомъ *райкѣ* постоянно переполнены евреями, которые, какъ видно, особенно неравнодушны къ мѣстному драматическому искусству. 28 мая былъ данъ торжественный спектакль по поводу полученія въ Ковно радостнаго извѣстія о вторичномъ избавленіи Государя отъ поваго покушенія на его драгоцѣнную для русскихъ жизнь. Спектакль открылся гимномъ «Боже царя храни», исполненнымъ всѣми актерами труппы и ковенскими гимназистами; на сценѣ въ лѣвой декорации горѣлъ транспарантъный вензель съ буквами: *А. М.* За тѣмъ шли «Костромскіе лѣся» и водевилъ «А и Ф». Театръ былъ полонъ съ верху до низу цвѣтомъ ковенской публики. Первый рядъ креселъ былъ занятъ предсѣдателями присутственныхъ мѣстъ и начальниками отдѣльныхъ частей; мужчпы были въ мундирахъ, или во фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ; дамы—въ балъныхъ платьяхъ. Гимнъ повторялся по единодушному желанію публики нѣсколько разъ въ началѣ и концѣ спектакля. Говоря о ковенскихъ зрѣлищахъ и увеселеніяхъ,

упомяну о представленіи братьевъ Давенпортъ и сеансѣ во мракѣ г. Фай; кромѣ того какой-то заѣзжий акробатъ давалъ представленія въ каватѣ, протянутомъ черезъ всю главную площадь передъ театромъ; девять за это зрѣлище платили только желающіе, хотя смотрѣть могли все.

Ковенскъ.

КУРЬЕЗЫ, ЗАМѢТКИ И ВОПРОСЫ.

ПИСЬМА ТЕМНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

Мѣсяца два мы уже не безпокоили васъ ни одною строчкою нашего писанья и не хотѣли писать до сентября. Думали устроить себѣ продолжительную вакацію. Однакожъ, не утерпѣли. Въ садахъ, полисадникахъ и огородахъ российской современной словесности цвѣтутъ деревья, кустарники, цвѣты, зрѣютъ и налпаются плоды, поспѣваютъ развохарактерныя овощи: ну, какъ тутъ оставаться безмолвнымъ зрителемъ всею этого! Зрѣіе наше утомлено пестротой и разнообразіемъ, кошницы наши ломаются подъ избыткомъ плодовъ земныхъ и мы чувствуемъ неодолимую потребность хоть отчасти поощривить ихъ. Московскій корреспондентъ «Голоса», съ которымъ мы, думаемъ, достаточно уже ознакомили вашихъ читателей, какъ то разъ сравнилъ насъ съ рыбаками. Придерживаемся этого сравненія: дѣйствительно, подобно рыбакамъ, мы сидимъ съ удочками надъ мутноводною рѣкою русской журналистики и на наши удочки безпрестанно наклеиваются такіа затѣйныя рыбки, что только не утаивай собирать ихъ; количество рыбъ, рыбщъ и рыбковъ въ этой рѣкѣ такъ велико, что скоро, пожалуй, придется, оставивъ удочки, закидывать цѣлыя мрежи. Вы догадываетесь, что этими рыбами для насъ является только то, что въ русской журналистикѣ относится къ московскому театру.

— Для чего вы хотите ровать себя? Съ чего это вы вдругъ вздумали серьезно вступить въ словопревие съ Москвитчемъ, о которомъ сами же говорите, что онъ не можетъ даже по русски путно выражаться? Или это свойство Москвича для васъ вдругъ показалось новостію? Что-же, забыли вы развѣ, что этотъ самый Москвичъ только въ большее частію и дѣлаетъ, что задвигъ числомъ спохватывается о написанномъ имъ, что онъ прежде неинишетъ, а потомъ ударить себя по лбу? Забыли развѣ, какъ онъ разъ пожаловался на дороговизну газоваго освѣщенія, а потомъ, когда ему доказали, что онъ говоритъ неправду, онъ (Моск. Вѣд. № 82) безъ околичностей *поправился* слѣдующимъ способомъ: «я говорилъ о дороговизнѣ не газоваго освѣщенія, а газовыхъ приважденностей для иллюминацій»? Помните вы эту любознательную и премолюую по своей напивности *поправку*? А помните-ли вы, какъ тотъ же Москвичъ (въ томъ-же № Моск. Вѣд.) въ своихъ «Запискахъ», говоря о бытѣ Соломонъ, высказалъ слѣдующія налюбобитѣйшія соображенія, интересъ которыхъ усугубляется отъ того еще, что они высказаны совершенно серьезно и тономъ

глубокого знатока. Вотъ какую дилемму высказалъ, тогда Москвичъ по поводу равы быка: *рана эта могла произойти отъ того, что животное, чесавшись заднюю часть, могло оторвать нѣсколько наростъ...* и далѣе: *рана могла быть сдѣлана искусственно и затѣмъ выплывалась постепенно шкура быка на подобіе формы нароста теленка, а потому уже вносился въ этотъ лишокъ постороннее тѣло, которое, впрочемъ, при осмотрѣ не замѣнено.* И къ этому еще Москвичъ не задумался прибавить: *на сколько возможна подобная операція рѣшить могутъ спеціалисты.* Ну, что-съ? Какъ вамъ все это правится? Можно ли послѣ этого не удивляться, какъ это еще до сихъ поръ Москвичъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, въ этой почитенной—какъ въ называють верѣдью—газетѣ, не нашелъ удобнаго случая оповѣстить предположенія вныхъ малыхъ дѣтей, которые серьезно думаютъ, что они не рождены, а принесены къ ихъ родителямъ почтальономъ въ конвертикахъ, и предоставить рѣшить спеціалистамъ возможность такого предположенія? Памятуя обо всемъ этомъ, могла ли бы вырѣшиться серьезно возражать Москвичу, писанія котораго, какъ вамъ хорошо должно быть извѣстно, въ всякой вѣроятности, особенно же во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, въ которыхъ Москвичъ отваживается касаться разныхъ сторонъ театральнаго дѣла, наименѣе ему пзвѣстнаго? Для чего это понадобилось вамъ вдругъ посягать на приваждлежащее вамъ только право—вѣдаться въ огдѣлѣ «Курьезовъ» съ таинными господами, какъ Москвичъ?

— Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ «Антракта» шла рѣчь о томъ, что въ театрахъ нашихъ всѣмъ в всѣмъ движеть вдохновеніе. Пожалуй, это такъ. Но во всѣхъ ли видахъ своихъ и во всѣхъ ли родахъ театралныхъ дѣателей это вдохновеніе имѣетъ одинаковое значеніе вездѣ ли не только должно быть, но даже можетъ быть терпимо? Вдохновеніе автора, вдохновеніе актера, вдохновеніе зрителя—ну, это еще все вдохновенія естественныя, понятныя и возможныя, но что такое—скажете Богаради—вдохновеніе критика? Развѣ это не притча во языцѣхъ? А между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ развѣ не в одномъ только этомъ вдохновеніи заквашиваются всевозможныя статьи о театрѣ? Говорить ли ужъ тутъ о дискованкахъ, до которыхъ дописываются разные безвѣстные и безыменныя, но многочисленныя писатели какого вѣдѣнія «Развлеченія», или господа Сергѣя Яковлевы, когда даковынокъ немало и въ наиболѣе обстоятельныхъ, даже хваленныхъ въ «Антрактѣ» театрално-критическихъ статьяхъ «Москвы» и «Русскихъ Вѣдомостей»?... Помните-ли вы, напр., какъ однажды рецензентъ «Москвы» (№ 19), говоря о Мнѣнѣ, призналъ въ Островскомъ отличнаго колориста и объяснялъ при этомъ, что въ писакѣ Островаго обирѣи рисунокъ имитируетъ картины Перуджино, музыку Перголеза, а потомъ на слѣдующемъ столбцѣ той же статьи находилъ въ «Мнѣнѣ» «водевильную свадьбу всѣмъ на блѣднаго благопріятеля съ всѣмъ на блѣдною нижегородскою лавицею», удивлялся, «почему авторъ очертилъ такъ холодно одну изъ торжественныхъ минутъ нашей

исторіи», говорилъ, что «роль князя Пожарскаго, если бы его пмѣи не было на афшѣ, и узнать бы не было возможности», что «дѣйствіе оканчивается холодно», сожалѣлъ, что Островскій *пренебрегаетъ правилами рисованія* и проч.? Помните-ли вы все это? А если помните, знаете и молчите; то, стало быть, соглашаетесь? Да какъ же тутъ копцы-го съ ковцами свести? Островскій—отличный колористъ и у этого колориста на каждомъ шагѣ—*водевильность, блѣдность, холодность?* Островскій и Перуджино? Авторъ посредственной драмы съ *водевильностью, блѣдностью, холодностью* и ввою немощью, пренебреженіе правилами рисованія—съ одной стороны, и съ другой стороны—знаменитый учитель Рафаэля? Островскій—глава школы драматическихъ писателей, поставившихъ (по удачному выраженію одной передовой статьи той же «Москвы»—№ 97-й) *задачу дагерротипировать уродства быта и рѣчи*, и Перуджино—глава знаменитой школы, отличавшейся прежде всего вѣжливымъ стилемъ и меланхолически-мечтательнымъ выраженіемъ изображаемыхъ лицъ? А еще лучше: Островскій и Перголеза? Жадно набрасывающійся на житейскую тривіальность драматургъ и строго-возвышенный творецъ «Stabat Mater»? Воля ваша, а чѣмъ и какъ можно хотъ сколько-нибудь объяснить себѣ эту меледу? Развѣ это не вдохновеніе?

— А помнится-ли вамъ другой, не менѣе перваго любопытный образчикъ критическаго вдохновенія? Развѣ не въ той же газетѣ («Москва» № 55-й) театралный рецензентъ, говоря объ исполненіи на московской сценѣ «Самозванца» Островаго, между прочимъ замѣчаетъ, что «Шумскій исполнялъ трудную задачу, заданную ему авторомъ, *безподобно*» (замѣйте же, пожалуйста это: *безподобно!*), в тутъ же, безъ перерывовъ, послѣ точки съ запятой продолжаетъ: «онъ (т. е. Шумскій), конечно, всего менѣе виновенъ, если игралъ какое-то *воплощенное коварство, а живаго лица въ своей роли не давалъ слышать*. Впрочемъ, вѣроятно, подчиняясь утрировкѣ, «которая тутъ сдѣлала самимъ авторомъ, невольно *утрировала* в г. Шумскій, — *глазами по крайней мѣрѣ* (а что, *глазами ли утрировала* и авторъ?). Овъ *такъ по временамъ немилосердно таращилъ глаза и закатывалъ бѣлками, что форсированное музыкаство Шуйскаго по временамъ казалось еще комично*». Выписка сдѣлана вами безъ малѣйшаго перерыва и занимаетъ сплошь 12 строкъ на одномъ в томъ же столбцѣ; а между тѣмъ можно ли допустить, чтобы эти строки не столкнулись только игрою случая? А между тѣмъ поручитесь ли вы намъ, что эти слова, напечатанныя въ статьѣ газеты, очень уважаемой (не на однихъ только словахъ), не наведутъ много юнаго, неопытнаго читателя (хорошо еще какъ не актера) на мысль, что актеру для того, чтобы исполнять задачи его *безподобно*, стоить только не *давать слышать* (почему не *видѣть*?) въ своей роли *живаго лица, утрировать—глазами по крайней мѣрѣ, немилосердно таращить глаза и закатывать бѣлками, форсировать* и сообщать роли непрошенныя в непрягодный комизмъ? Развѣ подобный выводъ будетъ ошибоченъ в развѣ не будетъ овъ вмѣстѣ съ тѣмъ

въ высшей степени курьезны? Развѣ для того, не долго думающаго зрителя не можетъ на основаніи такого вывода разомъ сложиться своеобразная эстетика, въ силу которой подобнымъ зрителемъ будетъ усердно обличиваться всякій актеръ, не удовлетворяющій правиламъ этой оригинальной эстетики, т. е. не закатывающій бѣлки на проч.? А кто и что будетъ въ отвѣтъ за это? Развѣ не критическое вдохновеніе?

— Развѣ опять такъ не по вдохновенію театральнымъ критикомъ той же «Москвы» презирались категорически и коротко, но совершенно бездоказательно и потому неясно слѣдующія, напр., правила: *нужно представить только жизнь, какъ она есть* («Москва» № 14-й), или: *для сцены достаточно говорить просто* («Москва» № 19-й)? Ну—скажите Бога ради—трудно-ли допустить, что иной вѣдь, пожалуй, и приметъ на вѣру эти слова? И не опасенъ ли будетъ тотъ актеръ, который забудетъ эти правила себѣ въ голову и ставитъ руководство вѣдь или? Не увѣчливается ли совершенно этими правилами въ актерѣ—актеръ? Изрекъ-ли бы критикъ что нибудь подобное, если бы только взялъ на себя небольшой трудъ продумывать собственные свои изреченія и прежде думать, а потомъ уже изрекать? А почему же не думать онъ о томъ, что изрекаетъ, какъ же потому, что полагается единственно на вдохновеніе?

— А развѣ не подѣлать нѣтъ все того-же бѣдоваго вдохновенія театральныи критикъ «Русскихъ Вѣдомостей» вашель, что авторъ «Гражданскаго брака» въ этой непростительной драматической шалости (которая успѣла уже капнуть въ вѣчность) на твердой почвѣ затрогнулъ существенный (не мальчишескій ли скорѣе?) вопросъ жизни, что только на этой (на какой?)—изъ статьи не оказывается) почвѣ возможно его *открытое разрыніе*; а въ Новоникольскомъ героѣ этой непростительной шалости, критикъ уподѣлялъ *здоровое лицо* (т. е., вѣроятно, тутъ идетъ рѣчь о физическомъ здоровьи, о крѣпости тѣлосложенія), *большой запасъ нравственныхъ силъ* (не физическихъ ли скорѣе, особенно въ рукахъ), *деликатность нравственныхъ чувствъ* (чего-же еще деликатнѣе: готовъ удивить чернаго встречнаго и лѣзетъ съ кулаками) и проч. и проч. («Рус. Вѣд.» № 8-й)? И развѣ не вдохновеніе только опять-таки могло заставить того-же критика («Рус. Вѣд.» № 11-й) сопѣтовать: 1) г. Садовскому—*ограничиться одною истинною театральностью, т. е. просто* (какъ это въ самомъ дѣлѣ просто?) *дѣйствовать на однихъ только перьяхъ публики*, и 2) театральной дирекціи—*не жалеть на постановку такой несценической драмы* (какъ «Мещанинъ») *ни денегъ, ни хлопотъ: при блестящей роскошной обстановкѣ она могла-бы по крайней мѣрѣ привлечь глаза зрителей истинною картинностью*? Но правда-ли, совѣтъ благой, которымъ совѣтъ какъ будто хочетъ пизвести театръ на степень балагановъ, въ которыхъ ради одной обстановки даются бессмысленнѣйшія арлекинады и блокады? А коли такъ, то вѣдь ужъ почему-же театральныи критикъ не удосужится посоветовать театру позаимствоваться отъ балагановъ в другіи очень при-

вышшимся къ послѣднимъ, и стало быть, не вредными обычаями? Почему знать, быть можетъ скоро критикъ посоветуетъ, при объявленіи хотъ, напр., новопоставленнаго балета, обозначая въ афишѣ, какія декорации какими декораторами написаны, при этомъ присовокупить, что декорации *отличаются не только правильностью рисунка и высокохудожественными выношеніями, но и поражающими, въ полномъ смыслѣ этого слова, колоритомъ различныхъ мѣстностей* (какъ подобное присовокупленіе сдѣлано было на афишѣ о движущейся картинѣ «Ляплата»), или что такіа-то декорации сдѣланы *хотъ и не въ натурѣ, а только въ миниатюрѣ* (какъ остроумно предупредилъ публичку Бергъ—«Голосъ» № 101, Частыя объявленія)? Почему знать, что, по примѣру афишъ цирка Гинне, въ которыхъ въ некоторыхъ артистамъ и артисткамъ придавались особенныя эпитеты (*малютный г. Насель, граціозная наездница дѣвица Адель Леонгардъ* и проч.), критикъ не пожелаетъ и на театральныи афишахъ передъ фамиліями актеровъ и актрисъ впасть подобныя-же постоянныя эпитеты, въ родѣ слѣдующихъ, напримѣръ: *малютный г. Серювъ, граціозная г-жа Мухина, многообещающая г-жа Федотова, изящный г. Вильде, статный г. Лавровъ, вѣчноюный г. Шумскій* и проч.? Развѣ всѣ эти и вмѣ подобныя совѣты мѣше въ порядкѣ вещей и мѣше возможны, чѣмъ тотъ, который преподавалъ дирекціи въ 11-мъ № «Русскихъ Вѣдомостей»? Не будутъ-ли послѣдніе совѣты даже гораздо практичѣе перваго, высказаннаго уже, такъ какъ подобными самохваленіями могутъ предпрѣдаться вообще отзывы о спектакляхъ и особенно дурныя отзывы? А развѣ, вы думаете, этого не желаютъ многіе москвичи, подобные Москвичу «Московскихъ Вѣдомостей», который печатно и публично объявлялъ, что тѣ, которые берутся заниматься особенно театромъ и писать о немъ, должны видѣть въ театрѣ и писать о немъ только хорошее, какъ это почувдилось Москвичу въ Парижѣ, куда не въ часъ забросило его? Кстати: развѣ Москвичъ сблѣтнулъ эту нечѣпость свою тоже не по вдохновенію?

— Если бы не вдохновеніе, кто бы толкнулъ подѣ руку какого-нибудь театральнаго критика «Развлеченіи»—букавы А. В. безпрестанно бросать на вѣтеръ пустыя слова и часто говорить о томъ, чего онъ самъ не вѣдаетъ? Не будь этотъ критикъ изъ наиболѣе вдохновенныхъ, развѣ онъ, сказавъ (Развл. № 6-й), что Шумскій въ роли Шуйскаго воспользовался историческими данными, *полностью, которыми весьма не щедро надѣлили Шуйскаго самъ авторъ*, не нашель-бы просто необходимымъ объявить, какія-же это такіа данныя, которыхъ, можетъ, быть никто, кромѣ самого критика, и не запрашивалъ? Развѣ не изъ подѣ вдохновенія только сорвалось съ языка того-же критика (тотъ же № «Развлеч.»), что въ роли Самозванца *загигрировался г. Вильде очень удачно... Незабывно или было и родное пятнышко на лицѣ, котораго вовсе не было ни у Самозванца, ни у г. Вильде* и вмѣсто котораго исторія приписываетъ самозванцу большую бородавку (нельзя же предположить въ критикѣ недоуманія на-

стоящаго значенія такихъ слишкомъ простыхъ в черезчуръ употребительныхъ словъ, какъ *родимое пятно* в бородавка)? Не по вдохновенію-ли издумалось тому же критику сказать, что въ декораціи въ «Самозванцѣ» *обратили на себя вниманіе публики Кремль съ красными крыльцами—работы Шеня и Золотая и Грановитая палаты—г. Исакова?* Развѣ три названія декораціи однако обратили на себя вниманіе публики? Если двѣ послѣднія декораціи обратили на себя вниманіе публики своимъ достоинствомъ, то чѣмъ вымысл могла обратиться на себя вниманіе первая декорація, какъ не бросающимися въ глаза въ каждомъ въ глаза недостатками ея въ археологическомъ в художественномъ отношеніяхъ, недостаткамъ, дѣлавшими въ не самую неудачную въ пісѣ декорацію?

— Впрочемъ это все критика, вдохновенные песознательнымъ, такъ сказать, вдохновеніемъ; но въ недавно усмотрѣнномъ нами новомъ литературномъ огорождѣ, который, сказать кстати, обѣщаетъ намъ, кажется, не мало затѣйливыхъ овощей, вмевно въ фельетонѣ «Петербургской газеты», мы ятолкуясь, къ нашему удовольствію, на новаго театральнаго критика, вдохновеннаго уже сознательнымъ вдохновеніемъ. Въ фельетонѣ 100 № этой газеты помѣщена статья «О театрѣ» съ подписью: «М. Кир—овъ». Авторъ этой статьи говоритъ дѣйствительно о театрѣ, о театрѣ московскомъ, в говоритъ даже очень много (12 фельетонныхъ столбцовъ); но объ чемъ онъ говоритъ в что хочетъ сказать—это едва-ли знаетъ самъ онъ, а всего менѣе читатель его любопытной статьи. Но стояло ли бы на это обращать вниманіе, стояло-ли замѣчать, какъ вѣчто необыкновенное, что человекъ хочетъ, взялся говорить о театрѣ в не знаетъ, что ему говорить, а потому и издаетъ какой-то безовязный лепетъ? У васъ-ли, въ вашей-ли журналистикѣ подобныя явленія могутъ считаться рѣдкостными? Намъ-ли еще не пора приступить въ привыкнуть къ такимъ достойнымъ чательностямъ? Но повѣрте-ли вы, что этотъ нововспеченный критикъ М. Кир—овъ окончательно ухватывается за привычки вдохновенія в узаконяетъ его? Правда, въ первой статьѣ своей онъ вмѣняетъ вдохновеніе въ непременное условіе пока еще только авторамъ драматическихъ произведеній, такъ какъ въ послѣднихъ онъ призываетъ только тѣ произведенія, которые *написаны по вдохновенію, а не по данной мѣркѣ?* Не до очевидности ли однакѣястаетъ въ этихъ послѣднихъ словъ, что М. Кир—овъ принимаетъ слово *вдохновеніе* въ его спеціальномъ в наисовременнѣйшемъ азначеніи, т. е. въ значеніи крайней разнуздавности, рѣшительнаго познавія мѣры, однимъ словомъ, въ значеніи того сорта вдохновенія которое, кажется, надобно понимать подъ словомъ *ангелизмъ*, недавно, о метко пушечнымъ въ оборотъ въ Петербургѣ г. Арбузовымъ? Да ужъ не *ангелистъ* ли в самъ М. Кир—овъ? Иначе, сталъ-ли бы онъ такъ отважно в ядовито порывать чуть не въ каждомъ шагу театральнотеатурный комитетъ? Съ чего бы, кажется, человеку, который на словахъ прикидывается такимъ доброжелательнымъ театральному дѣлу, съ чего бы

такому человеку возставать противъ учрежденія театральнотеатурнаго комитета? Развѣ лучше было, когда прежде, до существованія комитета, авторы должны были обращаться непосредственно къ инспектору репертуара в отъ него ждать приговора своимъ пісамъ? Развѣ приговору вѣсколькихъ лицъ (каковы бы эти лица ни были) тяжелѣе подчиняться, чѣмъ единоличному приговору инспектора? Въ которомъ въ этихъ приговорахъ в можно в должно предположить менѣе ошибочности в произвола? Ужъ не проявился-ли чѣмъ вбудь комитетъ передъ самимъ М. Кир—овымъ? Не писалъ-ли ужъ послѣдній когда-нибудь какихъ нбудь пісѣ, которыя не удостоились комитетскаго одобренія? Етъ какъ бы доброжелательнъ къ театру М. Кир—овъ не былъ; но вѣтъ театр—то театромъ, а саво-то рубашка рубашкой! *Охъ ужъ этотъ комитетъ!* восклицаетъ почти въ концѣ статьи своей озлобленный критикъ. Но *объ этомъ* (т. е. о комитетѣ) въ *другой разъ*. Ну, какъ вы думаете, вѣтъ въ *другой-то разъ* отъ ангелиста М. Кир—ова ужъ в еще сильнѣе достанется комитету. Ну какъ, прочтаетъ подобную статью, не убѣдиться, что она написана по вдохновенію, а не по данной мѣркѣ?

— Читали ли вы новое, недавно пропечатанное въ разныхъ газетахъ «Увѣдомленіе» отъ Русскаго Музыкальнаго Общества въ Москвѣ? Какъ вы объяснили себѣ в объяснили-ли какъ вбудь слѣдующее въ этомъ «Увѣдомленіи» раздѣленіе всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ консерваторіи (музыкальномъ учявщѣ тожъ), на предметы *спеціальные* (они же именуется также в *музыкальными*—въ другомъ мѣстѣ «Увѣдомленія») в на предметы *научные*? Есть ли каждый *спеціальный* предметъ консерваторіальнаго курса вмѣстѣ съ тѣмъ в *научный* предметъ в не всякій ли *научный* предметъ есть въ тоже время также в *спеціальный*? Почему къ *музыкальнымъ* (*спеціальнымъ* тожъ) предметамъ отнесена между прочимъ *Эстетика въ связи съ исторіею изящныхъ искусствъ* в не есть ли этотъ послѣдній предметъ въ тоже время в предметъ *научный*? Какъ вы поняли слѣдующія слова «Увѣдомленія»: «Лица, имѣющія нѣкоторое (какое же однако?) музыкальное образованіе, поступаютъ въ *составъ тѣхъ* (какой-же?) *ихъ* позваній классъ»? Не слѣшкомъ ли много ужъ во всемъ этомъ ясности, полноты, опредѣлительности в глубины смысла? Не вдохновеніе-ли ужъ руководило в составителями сего «Увѣдомленія»?

Многое написалось, а многое бы еще нужно написать. До слѣдующаго письма. Кошвыды ваши такъ переполнены, что трудно даже разобратъ въ матерьялѣ: вотъ почему мы не коснулись въ этомъ письмѣ в оставляемъ тоже до слѣдующаго навкуръезнѣйшую выходку одного въ доморощенныхъ московскихъ критиковъ Мольера.

Обскураитъ.

ПЕРВЫЙ ПОТУГИ МУЗЫКАЛЬНОГО ГЕНИЯ.

Комната, бледно освещенная лампадкой. Ночь.
Въ люлькѣ лежитъ дитя.

Няня (качаетъ люльку и напѣваетъ).

Спи, дитя, мой цвѣтикъ вѣрный!

Баюшки баю!

Сонъ всходить безмятежный,

Въ люлечку твою...

Дитя (ворочается и барахтается въ люлькѣ).

Не спится, няня! Здѣсь такъ душно!

И пѣсни жалобной твоей

Воображеніе не послушно:

Оно за тридцать морей.

Да замолчи же поскорѣй!

Няня.

Во снѣ не испугался-ль буки?

Усни, мой ангелъ! Богъ съ тобой!

Дитя.

Къ моимъ ушамъ несутся звуки,

Я весь горю, я самъ не саю...

Няня.

Въ ушкѣ, должно быть, зазвенѣло,

А можетъ, что и заплзло.

Дай, поглажу...

Дитя.

Не въ этомъ дѣло.

Не смыслишь ты...

Няня.

Охъ, старость—зло.

Дитя.

Я музыкально творенъ

И слю и вижу произвесть.

Во мнѣ талантъ есть, вдохновеніе,

Во мнѣ призваніе свыше есть.

Мнѣ опротивѣло до боли

Всю мудрость вотную зубрять,

Дѣвы разные, бемоли...

Хочу простора, жажду воли,

Хочу творить, хочу творить.

Смотри, какъ я себя прославлю!

Няня.

Ахъ, грѣхъ какой! Да ты пѣ бреди!

Горчичникъ я тебѣ поотавлю

И самоварчикъ разведу.

Дитя.

Мнѣ твой горчичникъ не поможетъ

И самоваръ не утолитъ;

Меня бездѣйствіе тревожитъ

И жажда творчества томитъ.

Талантъ берется за завѣтье

Ужъ съ дѣтскихъ лѣтъ, какъ папримѣрь,

Хоть оба Рубинштейны братья,

Или вонъ сестры Делепьеръ.

Я заблещу большимъ алмазомъ,

Вступлю я въ славы лабиринтъ

И не моргнешь ты, няня, глазомъ,

Какъ прослышу вездѣ я разомъ

За Wunderkind, за Wunderkind.

Я все дѣлаю для васъ съ мамашей;

Нѣтъ, дѣтство—не моя пора...

Когда молочной манной кашей

Меня кормила ты вчера,

Мнѣ въ это самое мгновеніе

Пришелъ торжественный мотивъ

Для хора мѣщанскія въ ораженіе...

Мотивъ возвышенъ, горделивъ...

Ты мнѣ разъ фартукъ надѣвала,

Чтобъ супомъ я не облылся,—

Моя фантазія играла

И гимнъ свободѣ создавала,

За звукомъ чудный звукъ лился.

Порой меня ты будишь рано,

Чулочки станешь надѣвать,

Я начинаю создавать

Дуэтъ для тенора съ сопрано.

Порой, когда въ саду глухомъ

Въ лошади бѣгаю съ кузницей,

Иль вкругъ пруда большого съ тиной

Скачу на палочкѣ верхомъ,—

Стараюсь я надъ каватной.

Разъ больно палецъ занозилъ

И издавалъ глухіе стоны,—

Вдругъ пѣнье птицъ вообразилъ,

Все перевелъ сейчасъ же въ тоны

И концертно сочинилъ.

Нанеешь ты мыть мѣня въ корятѣ,

Въ глаза мнѣ мыло допадетъ,

Защиплетъ и слеза пойдетъ,

А въ это время возстаетъ

Въ первоначальномъ, райскомъ бытѣ

Вдругъ первый человекъ,—в бѣтъ

Прелестныхъ звуковъ водометъ.

Воображеніе извлекало

Изъ разныхъ случаевъ такихъ.

Такъ вдохновенно и не мало

Мотивовъ свѣжихъ и живыхъ,

Что ужъ теперь, навѣрно, вхъ

Для цѣлой оперы-бъ достало.

Хочу писать, хочу творить!

Няня.

Все вздоръ изволишь говорить.

Дитя.

Какаі же ты, няня, дура!

Няня.

Не ты-ли, полно, сталъ дурить?

Дитя.

Какъ разъ поспѣетъ увертюра.

Учитель вотъ настроитъ...

Пускай его ворчитъ, кривитъ!

А тамъ—ужъ хочетъ-ли, не хочетъ-ли

Пускай, какъ знаетъ, самъ хлопочетъ

На сцену оперу отдать.

Я не хочу ужъ больше ждать!

Хочу и лавры пожнать!

Няня.

Опасную ты вздумалъ шалость!

Съ театромъ развѣ такъ шалать?

А ну, какъ, наказанъ велятъ?

Дитя.

Малы вѣдь дома лишь хотятъ

Кара за всякую-то малость;

Пѣтъ, тамъ—не такъ: все сходитъ тамъ.

Не я одинъ, тамъ все вѣдомо

Шалать, везуть кто что попало.
Тамъ все придется по зубамъ!
А что за прелесть, какъ изъ ложи
На громкій вызовъ выйду я...
Ахъ, няня милая моя,
Мурашки бѣгаютъ по кожѣ
Всѣ вызываютъ вдругъ меня,
Друзья, знакомые, родня,
Ну, словомъ весь бомондъ московскій.
Шумъ, говоръ обо мнѣ пойдетъ,
А добрый старичекъ Пановскій
Меня мастро вазоаетъ.
Я въ облакахъ! Я въ эмпиреѣ!

Няня.

Ахъ, грѣхъ!

Дитя.

Не бойся, нянего,

И за учителемъ скорѣе

Пошла-ка вѣвка своего,—

Пусть приведетъ сейчасъ его.

Пусть онъ на ноты переложитъ

Все то, что духъ мой такъ тревожитъ!

W.

С М Ъ С Ъ.

Journal de S.-Petersbourg сообщаетъ, что директоръ эрмитажа, г. Геденовъ, Государемъ Императоромъ назначенъ въ должность директора императорскихъ театровъ. Степанъ Александровичъ Геденовъ—сынъ Александра Михайловича Геденова, бывшаго много лѣтъ директоромъ этихъ театровъ; онъ написалъ драму *Смерть Лягунова* и перевелъ драму Казимира Делавиля *Сыны Эдуарда*.

Въ той же газетѣ напечатано: «Во вторникъ (1-го августа), въ одиннадцать часовъ утра, въ католической церкви св. Екатерины происходило отпѣваніе тѣла графа А. М. Борха, при стеченіи многочисленной публики. На панихидѣ присутствовали его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ и его высочество принцъ Александръ Ольденбургскій. Въ церкви было много дамъ и почти всѣ находящіеся въ С.-Петербургѣ члены дипломатическаго корпуса, съ французскимъ и англійскимъ послами по главѣ Капцлеръ имперіи и министръ иностранныхъ дѣлъ, князь Горчаковъ, министръ юстиціи, князь Урусовъ, много генералъ-адъютантовъ и высшихъ придворныхъ и гражданскихъ должностныхъ лицъ, чиновники и служащіе при императорскихъ театрахъ, директоромъ которыхъ былъ графъ Борхъ, много оперныхъ и балетныхъ артистовъ, находившіеся въ Петербургѣ актеры другихъ театровъ, не считавшіе во время вѣщаній столицы, наконецъ множество разнѣхъ другихъ лицъ, находившихся въ служебныхъ сношеніяхъ съ графомъ Борхомъ, во время отправления имъ разныхъ должностей, пожелавшіе воздать послѣдній долгъ памяти покойнаго и засвидѣтельствовать свое искреннее сожалѣніе о потерѣ его. Заупокойное служеніе совершалъ католическій

епископъ со всѣмъ своимъ причетомъ. Requiem былъ исполненъ артистами русской оперы и оркестромъ императорскихъ театровъ, подъ управленіемъ г. Лядова. Начавшись въ одиннадцать часовъ, религиозная церемонія кончилась въ половинѣ перваго, послѣ чего погребальный поѣздъ двинулся на Охтенское кладбище. Гробъ отнесли на катафалкѣ его императорское высочество великій князь Николай Николаевичъ, его высочество принцъ Ольденбургскій, князь Горчаковъ, генералъ-адъютантъ князь Суворовъ-Рымникскій, баронъ Врангель и др. Семейство покойнаго шло за гробомъ его, въ сопровожденіи многочисленной толпы.

3-го августа въ церкви московскаго театральнаго училища, въ присутствіи чиновниковъ московской тетральной конторы и артистовъ московскаго театра, были отслужены обѣды и панихиды по умершемъ директорѣ императорскихъ театровъ, графѣ Александрѣ Михайловичѣ Борхѣ. При богослуженіи пѣлъ хоръ московскаго театра, въ которомъ приняли участіе и нѣкоторые солисты московской оперы.

Дозволена къ представленію литературно-театральнымъ комитетомъ и театальною цензурою *Зимняя сказка*, драма въ 5 актахъ, соч. Шекспира, пер. Кетчера.

Московскому Артистическому Кружку Высочайше разрѣшено разыграть въ свою пользу лоттерейю съ выпускомъ на нее 25,000 билет. цѣною по 1 р. каждый.

Въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ читаемъ: Въ прошлое воскресенье должна была, какъ извѣстно, г-жа Навен Эдбергъ показывать свое искусство въ плаваніи, по Невѣ, у здавія Яхтъ-Клуба. Но воскресенье вышшняго лѣтомъ, вообще какъ-то несчастливъ и отличаются совсѣмъ несправдливой погодой. На этотъ разъ вышло тоже: цѣлый день лилъ дождикъ, и въ Яхтъ-Клубъ, конечно, почти никто не поѣхалъ. Но ни дождикъ, ни холодъ не остановили отважную г-жу Эдбергъ. Она рѣшилась сдѣлать опытъ въ присутствіи нѣкоторыхъ членовъ яхтъ-клуба. Видѣвши ее въ этотъ день передавали намъ, что г-жа Эдбергъ, дѣйствительно, замѣчательно хорошо плаваетъ: не смотря на холодъ, она оставалась въ водѣ около часу, отдыхая только на спинѣ и высовъ въ этомъ послѣднемъ положеніи рюмку грогу, чтобъ согрѣться, когда стала было забвуть. Привычка къ водѣ, въ самомъ дѣлѣ, удивительная, если мы вспомнимъ, что самые отважные петербуржцы при теперешней температурѣ воды (11°) едва рѣшаются оставаться въ водѣ четверть часа и что купальня наша почти пуста.

Варшавскій корреспондентъ «Виленьск. Вѣсти» пишетъ, что въ прошломъ году пріѣхала въ Варшаву компанія еврейскихъ лицъ, образовавшаяся изъ такъ-называемыхъ *маршалковъ*, играющихъ обыкновенно роли шутовъ и импровизаторовъ на еврейскихъ свадьбахъ. Труппа эта поселилась въ самомъ центръ-хасидовъ, на Гржибовѣ, и начала давать сценическія представленія, содержаніе которыхъ заимствовано болѣею частью изъ быта евреевъ, а

въ особенность хасидовъ. Но тутъ послѣдніе страш- по исполошлись и закрывали: вонъ этихъ озорни- ковъ, вонъ этихъ нечестивцевъ изъ города! И за- вязалась борьба, во время которой пѣвцы подвер- гались разнымъ непріятностямъ и преслѣдованіямъ. Борьба эта, однакожъ, кончилась тѣмъ, что арти- стамъ пришлось перенести свой театръ на Налев- ки—одну изъ большихъ улицъ Варшавы, гдѣ живутъ уже совершенно другой классъ евреевъ и большею частію пріѣзжій людъ. Въ настоящее время изъ прежней труппы осталось всего двое понимающихъ свое дѣло. Остальные семь или восемь человѣкъ, участвующіе въ представленіяхъ съ недавняго вре- мени, служатъ только въ родѣ помощниковъ или хористовъ при пѣніи. Балаганъ, въ которомъ даю- тся эти представленія, можетъ вмѣстѣ до трехъ сотъ человѣкъ; плата за входъ 15 и 10 к. Почти всѣ представленія, которыя даются на этомъ теат- рѣ, имѣютъ характеръ сатирическій. Въ нихъ осмѣиваются пороки, которые такъ свойственны низшему в среднемъ классу евреевъ, какъ напр. страсть жить и дѣйствовать не по средствамъ, банкротство, суевѣріе и предрасудки, слабости общеврейскія и въ особенности хасидовъ. Что ка- сается до варшавскихъ хасидовъ, то они, будучи не въ состояніи выпроводить этихъ святотатцевъ изъ города, наказываютъ ихъ своимъ вѣпосѣщеніемъ; но тѣмъ не менѣе вліяніе этихъ пѣвцовъ и актеровъ отразится и въ средѣ фаватиковъ.

Опера Глинки «Жизнь за Царя» исполнена была на пражской сценѣ, съ участіемъ г-жи Александровой 22-го іюля. Московскія дебютантка исполнила пар- тію Автанды на чешскомъ, а не на русскомъ язы- кѣ. Это обстоятельство чрезвычайно раздражило пражскую публику в оваціи въ пользу г-жи Алек- сандровой проявля еще болѣе широкіе размѣры, чѣмъ въ представленіи «Донъ-Жуана». Вся сцена была, при появленіи пѣвцы, заброшена букетами и вѣнками и оглушительнымъ крикамъ в рукопле- сканіямъ не была конца. Пѣсню въ третьемъ дѣй- ствіи «Не о томъ скорблю, подруженьки», г-жа Алек- сандрова привуждена была пропѣть два раза, послѣ чего ей поднесены были драгоценный подарокъ, огромный вѣнокъ и вѣскольکو букетовъ.

Госпожа Александрова намѣрена еще выступить на пражской сценѣ въ роли «Маргариты» въ оперѣ «Фаустъ», соч. Гуно, *(изъ мистическаго письма).*

Въ «Новинахъ» йдутъ слѣдующее по случаю перваго исполненія г-жею Александровой роли Люд- миль въ оперѣ «Русланъ и Людмила»: «Музыка Глинки пользуется большимъ уваженіемъ и знаме- нитый композиторъ свискалъ у насъ много поклон- никовъ; мелодія и глубокая мысль музыки Глинки говорятъ вашему сердцу и говорятъ, притомъ, рѣчью простою и милою всѣмъ намъ. Глинка поло- жилъ великое основаніе, намъ заповѣдалъ онъ за-

вершить дѣло, начатое вмѣстѣ съ такимъ мастерствомъ, можно сказать, съ такою гениальностію. Представ- леніе въ Прагѣ «Руслана и Людмилы» въ настоя- щее время интересовало многихъ, такъ какъ въ этой оперѣ должна была выступить передъ вами первая драматическая пѣвица императорскаго Московскаго театра, г-жа Александрова. Конечно, роль Людмилы до того пассивна и малозвучаща, что не можетъ представлять собою широкое поле для таланта, но г-жа Александрова совершенно измѣнила наше воз- зрѣніе на эту роль. Съ громаднымъ умѣньемъ вы- ставляла она въ голосѣ, осязкѣ и пріемахъ настоя- щую дочь могучаго князя, а звучный и симпатич- ной голосъ ея довершалъ прелесть игры, в Люд- мила произвела на всю публику сильнѣйшее впе- чатлѣніе. Г-жа Александрова не только простая примадонна, въ обычномъ значеніи этого слова, но и замѣчательная художница. Съ восторженіемъ ожи- даемъ мы всѣ дебютовъ г-жи Александровой въ ро- ляхъ, гдѣ больше жизни и больше, слѣдовательно, средствъ развернуться ея громадиному таланту».

Чехи вскорѣ приступаютъ къ закладкѣ основанія для великаго народнаго театра въ Прагѣ. Фондъ, собранный для этой цѣли посредствомъ пожертво- ваній, уже достигъ 144502 гульденовъ 56 крейце- ровъ. Сборъ приношеній продолжается.

Новосадская газета «Напредакъ» сообщаетъ, что въ половинѣ іюля посѣтилъ Новый-Садъ русскій помѣщикъ, изъ Кіевской губерніи, г. Веселяцкій, потомокъ сербской фамилии Божидаровичей, пере- селившейся въ Россію въ прошломъ столѣтіи. Онъ пожертвовалъ на народный сербскій театръ въ Но- вомъ-Садѣ 50 гульденовъ.

30 іюля, въ cirque de l'Imperatrice, австрійская военная музыка играла Marseillaise. Публика при- шла въ неописанный восторгъ, услышавъ опять этотъ національный гимнъ, который не слыхала уже 6 лѣтъ (въ послѣдній разъ играли Marseillaise въ Парижѣ, когда императоръ отправлялся съ гвардіей въ итальянскій походъ) и демонстраціямъ не было конца.

4-го августа русскіе военные музыканты, находя- щіеся въ настоящее время въ Парижѣ, давали боль- шой концертъ въ паркѣ выставкы; стеченіе публики было весьма значительное.

Въ парижской консерваторіи, на послѣднемъ эк- заменѣ, первую (высшую) награду за игру на віо- лончели получила двѣнадцатилѣтняя дѣвица Тэйо (Тауан).

НЕКРОЛОГЪ.

Газета «Schlesische Zeitung» сообщаетъ, что извѣ- стный трагикъ герцъ Айра-Ольрадъ умеръ 26-го іюля (17 августа) въ Лодзѣ (въ Польшѣ), куда онъ прѣбылъ проездомъ въ Петербургъ.